

Е.П. Блаватская

ОТРИЦАТЕЛИ НАУКИ

Что касается того, что ты слышишь, как иные убеждают многих в том, что душа, после освобождения от тела, не испытывает страданий и не обладает сознанием,-- я знаю, что ты слишком хорошо обучен *доктринам, которые мы получили от наших предков, и священным оргиям Диониса, чтобы поверить им; ибо мистические символы хорошо известны нам, тем, кто принадлежит к "Братству"*.

Плутарх

С давних пор теософов в целом, и автора настоящей работы в особенности, серьезно обвиняли в *неуважении к науке*. Нас спрашивали о том, какое мы имеем право подвергать сомнению заключения наиболее выдающихся авторитетов, и отказывать в признании непогрешимости (что предполагает всеведение) наших современных ученых? Короче, как *осмеливаемся* мы "презрительно игнорировать" их наиболее бесспорные и "повсеместно принятые теории" и т. д. и т. п. Следует дать некоторое объяснение нашей скептической позиции.

Прежде всего, чтобы избежать естественного непонимания предыдущего параграфа, пусть читатель примет во внимание, что заголовок "*Отрицатели науки*" никоим образом не относится к теософам. Как раз наоборот. Под "наукой" мы подразумеваем ДРЕВНЮЮ МУДРОСТЬ, тогда как ее "Отрицатели" представляют собой *современных материалистически настроенных ученых*. Таким образом, мы снова имеем "высокую смелость", подобно Давиду, вступая в борьбу, со старомодной теософской "пращей" в качестве единственного оружия, против гигантского Голиафа, "снабженного кольчугой", весящей "пять тысяч сикелей меди". Пусть филистимляне отрицают факты и заменяют их "рабочими гипотезами"; мы отрицаем последние и защищаем *факты*, "оружие единой существующей ИСТИНЫ".

Искренность этого простого утверждения, конечно, должна разбудить всех спящих собак, и спустить всех паразитов современной науки для того, чтобы они кусали нас за наши издательские пятки. "Эти проклятые теософы!" -- непременно раздастся крик. -- "Сколько еще они будут отказываться от того, чтобы укротить себя; и сколько еще мы будем иметь дело с этой дьявольской конгрегацией?" Конечно, потребуется значительное время для того, чтобы нас опрокинуть, тем более, что один такой эксперимент уже был проделан. Кажется весьма естественным, что наше вероисповедание должно вызывать гнев у каждого подхалима механических и анималистических теорий Вселенной и Человека; количество таких подхалимов велико, хотя и не вызывает благоговейного трепета. В нашем цикле всеобщего отрицания ряды Дидимов усиливаются с каждым днем за счет новоиспеченных материалистов и так называемых "атеистов", избегающих церковного догматизма и полных реактивной энергии. Мы знаем численное превосходство наших врагов и оппонентов, и не преуменьшаем его. Более того, в этом случае даже некоторые из наших лучших друзей могут спросить, как они уже делали это ранее: "*Cui bono* [кому это выгодно]? почему бы не оставить в покое нашу высокоуважаемую, имеющую прочные корни официальную Науку, с ее учеными и их низкопоклонниками?"

Далее будет показано, *почему*; и тогда наши друзья узнают, что у нас есть очень веские основания действовать так, как мы и действуем. У нас нет никаких причин ссориться с истинным человеком науки, искренним, не принадлежащим никакой группировке, непредубежденным и правдолюбивым ученым (каких, увы, меньшинство); он полностью

заслуживает нашего уважения. Но тому, кто, будучи *специалистом* в физических науках, хотя бы и выдающимся, пытается навязать общественному мнению свои собственные материалистические взгляды по метафизическим и психологическим вопросам, в которых он не разбирается, нам есть что сказать. Мы не связаны какими-либо законами, божественными или человеческими, которые обязывали бы нас уважать мнения, которые в нашей школе считаются ошибочными, только потому, что они принадлежат так называемым авторитетам в материалистических или агностических кругах. Выбирая между *истиной* и *фактом* (в нашем понимании), с одной стороны, и рабочими гипотезами крупнейших из ныне живущих физиологов, хотя бы откликающихся на такие имена, как Гексли, Клод Бернар, ДюБуа Реймон и т. д., и т. п.,-- с другой, мы надеемся, что не будем колебаться ни на мгновение. Если, как однажды заявил м-р Гексли, душа, бессмертие и все духовные явления "находятся вне [его] философского исследования" ("Физические основы жизни"), то, поскольку он никогда не задавал себе таких вопросов, он не имеет никакого права предлагать свое мнение. Конечно, они находятся вне сферы материалистической физической науки, и, что еще более важно, по удачному выражению д-ра Поля Жибье, *вне области ясного понимания* большинства наших материалистических ученых. Они вольны верить в "*автоматическое* действие нервных центров" как первичных творцов мысли; в то, что явления *воли* -- это только усложненная форма рефлекторных действий, и т. п.,-- но мы в такой же степени вольны отрицать их заявления. Они являются специалистами, и не более. Как это с восхищением описывает в своей последней работе автор "*Спиритизма и факирства*":

Ряд людей, особенно просвещенных в некоторых отдельных областях науки, присваивают себе право произносить по своему желанию суждения относительно всего на свете, они готовы отвергать что-либо новое, что противоречит *их* взглядам, часто по той единственной причине, что *если бы это было правильным, они не могли бы оставаться в неведении об этом!* Со своей стороны, я часто встречал этот вид самодостаточности у людей, которых их знания и научные исследования должны бы были предохранить от такого прискорбного морального недостатка, если бы они не были *специалистами* в своей области. Это признак относительной неполноценности, считать кого-либо выше или ниже себя. На самом деле, количество умов, думающих таким образом, больше, чем обычно полагают. Так же, как существуют люди, полностью неспособные к изучению музыки, математики, и т. д., так же есть и те, для кого закрыты определенные области мысли. Некоторым из тех людей, которые, вероятно, различаются на... медиков или литераторов, замечательным образом не удастся никакое занятие вне того, что я назову их "*зоной видимости*", аналогично тому, как рефлекторы проливают ночью свой свет в ярко освещенную зону, вне которой -- глухая тьма и неопределенность. Каждый человек имеет свою собственную зону видимости, размеры и степень освещенности которой зависят от индивидуума.

Имеются вещи, которые находятся вне способности к пониманию тех или иных интеллектов; они расположены вне их зоны видимости.*<1>

Все это совершенно верно в отношении ученого и его невежественного поклонника. И именно таким ученым специалистам мы отказываем в праве сидеть на троне царя Соломона и судить всех тех, кто не будет смотреть и слышать с помощью их глаз и ушей. Мы говорим им: Мы не просим вас верить в то, во что верим мы, поскольку ваша "*зона*" ограничивает вас в пределах вашей специальности; но не вторгайтесь в "*зоны*" других людей. И если вы, тем не менее, будете делать это, если, после того как вы сами в минуты честной откровенности часто смеялись над своим невежеством; после неоднократного утверждения, словесного или в печати, о том, что вы, физики и материалисты, не знаете ничего о конечных возможностях, присущих материи, или что вы не сделали ни единого

шага в направлении решения тайны жизни и сознания,-- вы все же упорствуете в своих учениях и утверждаете, что все проявления жизни и разума, и феномены высшей ментальности, являются просто *свойствами той материи, в отношении которой вы признаете свое собственное полное невежество*,*^{<2>} -- тогда вы вряд ли избежите обвинения в том, что вы *обманываете* весь мир.*^{<3>} Слово "обман" используется здесь преднамеренно, в точном этимологическом значении словаря Вебстера, то есть "введение в заблуждение под видом честности" -- в данном случае, научной. Конечно, нельзя ожидать от таких ученых джентльменов, что они не будут злоупотреблять своим влиянием и престижем в людских умах и учить их чему-либо, о чем они сами ничего не знают; что они воздержатся от проповеди ограниченности природы, когда ее наиболее важные проблемы были, и всегда будут неразрешимыми загадками для материалиста! Это не больше, чем просьба к таким учителям: быть, по крайней мере, порядочными.

Что же представляет собой в действительности человек познания? Не является ли истинным слугой науки (если последняя понимается как синоним истины) тот, кто кроме обладания значительной информацией обо всех вещах всегда готов узнавать больше, потому что он допускает, что существуют такие вещи, *которые ему неизвестны*? Такой ученый никогда не будет колебаться в том, чтобы отвергнуть свои теории, когда он нашел бы их -- даже не вступающими в противоречие с фактами и истиной, а просто сомнительными. Ради истины он будет оставаться безразличным к мнению всего мира, и в частности к мнениям своих коллег, или же он не будет пытаться принести дух учения в жертву профаническим верованиям обывателей. Независимый от отдельных людей или группировок, бесстрашно вступающий в столкновение с библейской хронологией, теологическими догмами, или предвзятыми и беспочвенными теориями материалистической науки; действующий в своих исследованиях в полностью лишенной предубеждений системе разума, свободного от личной гордыни и суетности,-- он будет исследовать истину ради ее самой, а не для того, чтобы понравиться той или иной фракции; он не будет подтасовывать факты для того, чтобы сделать их подходящими к его собственным гипотезам, или верованиям любой государственной религии или официальной науки. Таков идеал истинного ученого; и таков тот, кто при любых ошибках -- даже Ньютон и Гумбольдт совершали случайные ошибки -- будет торопиться публично признать свои заблуждения и исправить их, и не будет поступать так, как это сделал немецкий натуралист Геккель. То, что совершил он, заслуживает напоминания. Во всех последующих изданиях "Происхождения человека" он оставил неисправленным *sozura* (по словам Квантрофага: "неизвестного науке"); также, он относит *prosimia* к *loris*, которого он описывает как "не имеющего сумчатого кармана, но с *плацентой*" ("Происхождение человека", стр. 77), тогда как много лет назад анатомическими исследованиями "Альфонса Милна, Эдвардса и Грандидье было показано, что *prosimioe* Геккеля... *не имеет плаценты*" (Квантрофаг, "Человеческий род", стр. 110). Это то, что мы, теософы, откровенно называем *нечестностью*. Ибо он знает, что два существа, которые он помещает на четырнадцатом и восемнадцатом этапах своей генеалогии в "Происхождении человека", являются *мифами*, и нет никакой возможности для того, чтобы они являлись прямыми или косвенными предками человекообразных обезьян, не говоря уж о *человеке*; "их нельзя рассматривать даже как предков зоноплацентных млекопитающих", -- считает Квантрофаг. И все же Геккель подсовывает их наивным людям и подхалимам дарвинизма только потому, как объясняет Квантрофаг, "что доказательства их существования вытекают из *необходимости промежуточного типа*"!! Мы не можем найти никакой разницы между набожным мошенничеством и обманом Евсевия, действующему "ради великой победы Бога", и нечестивым обманом Геккеля "ради торжества материи" и -- людским бесчестьем. Они оба -- фальсификаторы -- и мы имеем право осуждать их обоих.

То же самое относится и к другим областям науки. Специалист -- будь то знаток греческого языка или санскрита, палеограф, археолог, любого рода ориенталист -- это "авторитет" только в пределах своей специальности, так же, как электрик или физик -- в своей. И кто же из них может быть признан *непогрешимым* в своих заключениях? Они делали, и все же упорно продолжают делать ошибки, каждая из их гипотез является лишь предположением, теорией лишь на время -- и не больше. Кто бы поверил сегодня, при нашем увлечении Кохом, что всего несколько лет назад величайший авторитет среди патологов во Франции, покойный профессор Вульпиан, глава Медицинского факультета в Париже, *отрицал само существование туберкулезного микроба*? Когда, как говорит д-р Жибье, м-р Булей (его друг и ученик) представил в Академию наук работу о туберкулезной бацилле, Вульпиан сказал ему, что "эта бацилла *не может существовать*", ибо "если бы она существовала, то ее *давно* бы уже открыли, поскольку за ней охотились так много лет"!*<4>

Таким же образом каждый специалист любого рода отрицает доктрины теософии и ее учения; не потому, что он сам когда-либо пытался изучать или анализировать их, или понять, сколько правды может содержаться в древней священной науке, а просто потому, что не современная наука открыла какие-либо из этих истин; а также потому, что уходя от основной дороги в джунгли материалистических спекуляций, люди науки не могут вернуться назад, не разрушив целого здания, которое стоит за ними. Но хуже всего, что обычный критик и оппонент теософских доктрин не является ни ученым, ни даже специалистом. Он просто *лакей* ученых в целом; говорящий попугай и гримасничающая обезьяна того или другого "авторитета", использующий теории и заключения каких-либо хорошо известных писателей для того, чтобы разбить о них наши головы. Более того, он отождествляет себя с "богами", которым он служит или под чьим покровительством он находится. Он похож на зуава из личной гвардии Папы, который, поскольку он должен бить в барабан при каждом появлении и исчезновении "наместника святого Петра", заканчивает тем, что отождествляет себя с апостолом. То же самое и с самозванным лакеем современного Элохима науки. Он тщетно воображает, что является "одним из нас", имея на то не больше разумных оснований, чем зуав: он также бьет в большой барабан для каждого оксфордского или кембриджского преподавателя, чьи заключения и взгляды не согласуются с учениями Оккультной Доктрины древности.

Однако, посвящать этим хвастунам вслух или письменно хоть чуточку больше, чем это необходимо, значит тратить время зря. Оставим их в покое. Они не имеют даже своей собственной "зоны", но должны видеть вещи в свете интеллектуальных "зон" других людей.

Теперь о том, почему нашим тяжелым долгом является отрицание и опровержение научных взглядов столь многих людей, каждый из которых считается более или менее "выдающимся" в его специальной области науки. Два года назад автор пообещал в "Тайной Доктрине" (том 2, стр. 798) издать третий и даже четвертый тома этой работы. В этом третьем томе (ныне почти полностью готовом)*<5> речь идет о древних мистериях Посвящения, делаются наброски -- с эзотерической точки зрения -- о наиболее знаменитых и исторически известных философах и иерофантах (каждый из которых рассматривается учеными как *обманщик*), начиная с древнейших времен и до христианской эры, и прослеживается связь учений всех этих мудрецов с одним и тем же источником всеобщего знания и науки -- эзотерической доктриной, или Религией Мудрости. Нам не нужно и говорить о том, что утверждения и заключения эзотерических и легендарных материалов, использованных в этой книге, очень сильно отличаются и часто вступают в непримиримое противоречие с данными, которые предоставляют почти все английские и немецкие ориенталисты. Между ними существует молчаливое согласие -

- объемлющее даже и тех из них, кто лично враждебно относится друг к другу -- следовать определенному направлению в отношении датирования материала;*<6> в отрицании какой-либо внутренней ценности "адептов" какого-либо трансцендентального знания; в полном отрицании самого существования *сиддхов*, или сверхнормальных духовных сил в людях. В этом ориенталисты, и даже те из них, кто является материалистами, тесно смыкаются с духовенством и библейской хронологией. Нам не нужно останавливаться для того, чтобы проанализировать этот странный факт, но таково положение вещей. Главной задачей третьего тома "Тайной Доктрины" является доказать, посредством прослеживания и объяснения *неясных мест* в трудах древних индусов, греков, и других философов, достойных внимания, а также и во всех древних Писаниях,-- существование непрерывного эзотерического аллегорического метода и символизма; показать, насколько это возможно, что при обладании ключами к толкованию, как этому учат Восточный индо-буддийский канон оккультизма, Упанишады, Пураны, Сутры, эпические поэмы Индии и Греции, египетская Книга мертвых, скандинавские Эдды, а также и еврейская Библия, и даже классические писания Посвященных (таких, как Платон, и многих других),-- все они, от первых до последних, дают значения, совершенно отличные от буквального толкования их текстов. Это решительно отрицается некоторыми из выдающихся ученых современности. Они не получили ключей, следовательно -- такие ключи вообще не существуют. Согласно Максу Мюллеру, никто из индийских пандитов никогда не слышал эзотерической доктрины ("Гупта-Видья", заметка на полях). В своих "Эдинбургских лекциях" этот профессор позволяет себе некоторые вольности по отношению к теософам и их толкованиям, как некоторые ученые шастрии -- не говоря уж о *посвященных браминах* -- поступают с самим этим ученым немецким филологом. С другой стороны, сэр Монье Вильямс пытается доказать, что Господь Гаутама Будда *никогда не учил какой-либо эзотерической философии* (!!), таким образом изобличая во лжи всю последующую историю, Архатов-Патриархов, которые обратили Китай и Тибет в буддизм, и обвиняя в мошенничестве многочисленные эзотерические школы в современном Китае и Тибете.*<7> Или, согласно профессору Б. Джовитту, главе Баллиольского колледжа, нет никаких эзотерических элементов в "Диалогах" Платона, и даже в таком выдающемся оккультном труде, как "Тимей".*<8>

Неоплатоники, такие как Аммоний Сакс, Плотин, Порфирий, и т. д., были невежественными и предубежденными мистиками, которые видели тайные значения там, где их никто не подразумевал, и кто, руководствуясь учением Платона, не имел идеи истинной науки. В понимании светил современной науки, наука (то есть знание) находилась в детском возрасте во времена Фалеса, Пифагора и даже Платона; величайшие суеверия и "пустая болтовня" царили во времена индийских риши. Панини, величайший в мире грамматик, согласно профессорам Веберу и Максу Мюллеру, *был незнаком с искусством письма*, и сходным образом все, жившие в Индии, от Ману до Будды, вплоть до третьего века до нашей эры. С другой стороны, профессор А. Г. Сейс, безусловно крупный палеограф и ассириолог, всегда доброжелательно признающий наличие эзотерической школы и оккультного символизма среди жителей Аккадо-Вавилонии, тем не менее утверждает, что ассириологи сегодня имеют все ключи, необходимые для интерпретации тайных глифических надписей седой древности. Мне кажется, что нам известен главный ключ, используемый им и его коллегами: отнесите каждого бога или героя, чей характер в той или иной мере сомнителен, к солнечному мифу, и вы откроете всю эту тайну; это более легкое предприятие, чем для "северного колдуна" испечь омлет в мужской шляпе. Наконец, что касается эзотерического символизма и мистерий, современные ориенталисты, по-видимому, забыли больше, чем когда-то знали посвященные жрецы времен Саргона (3750 лет до н. э., согласно д-ру Сейсу). Таково скромное утверждение лектора Гибберта в 1887 году.

Таким образом, поскольку личные заключения и утверждения вышеназванных ученых (и многих других) выступают против теософских учений, то во всяком случае, в этом поколении, лавры победы последним не будут пожалованы большинством. Тем не менее, поскольку истина и факт на нашей стороне, нам нужно не отчаиваться, но просто ожидать своего часа. Время -- это удивительный волшебник, непреодолимо уничтожающий все искусственно выращенные сорняки и паразиты, универсальное средство нахождения истины. *Magna est veritas et prevalebit* (Велика истина, и она восторжествует). Тем временем, теософы не могут себе позволить, чтобы их обвиняли в визионерстве, так как они не являются "обманщиками", и их долгом является оставаться верными цвету своего знамени, и защищать свои наиболее нерушимые убеждения. Они могут делать это лишь вступая в оппозицию к предвзятым гипотезам своих оппонентов, (а) с помощью диаметрально противоположных заключений их же коллег -- других ученых, как выдающихся *специалистов* в той же самой области науки, что и они сами; и (б) выясняя истинное значение различных отрывков из древних писаний и классиков, искаженных этими партизанами. Но делая это, мы можем оказывать не большее уважение этим известным персонажам в современной науке, чем это делают они по отношению к богам "низших рас". Теософия, Божественная Мудрость или ИСТИНА является пристрастной не более, чем какое-либо племенное божество -- "лицеприятной персоной". Мы защищаемся, и должны отстаивать то, что мы знаем как безусловную истину: поэтому, вместо немногочисленных редакторских статей, мы намерены поместить серию специальных статей, опровергающих наших оппонентов, какими бы учеными они не были.

И сейчас становится очевидным, почему для нас невозможно "оставить в покое нашу в высшей степени уважаемую и имеющую твердую основу официальную науку".

Мы можем закончить несколькими прощальными словами, обращенными к нашим читателям. *Сила принадлежит тому, кто знает*; это очень старая аксиома: знание, или первая ступень к обретению силы, и в особенности постижение истины или умение отличать истинное от ложного, принадлежит только тем, для кого истина выше его собственных особенностей характера. Только те, кто освобождается от всех предрассудков, побеждает такие человеческие качества, как самомнение и эгоизм, кто готов принять любую и *всякую* истину, как только она становится для него бесспорной, -- только они, говоря я, могут надеяться на обретение окончательного знания вещей. Бесполезно искать таких людей среди ученых гордецов нашего времени, и было бы безумием ожидать, что обезьяноподобная масса невежественных людей выступит против своих обожаемых идолов. Бесполезно также ожидать справедливости по отношению к теософской работе любого вида. Пусть какой-нибудь неизвестный м-р Маколей, или сэр У. Гамильтон, или Джон Стюарт Милль, будут сегодня напечатаны и изданы теософским издательством, и рецензенты, если они будут, сразу же провозгласят их безграмотными и *не-английскими*, неясными и нелогичными. Большинство судит о работе в соответствии с предрассудками ее критиков, которые, в свою очередь, руководствуются популярностью или непопулярностью авторов, а вовсе не присущими этой работе достоинствами или недостатками. Очевидно поэтому, что вне теософских кругов тома "Тайной Доктрины", которые вскоре появятся, встретят еще более холодный прием у широкой публики, чем два первых тома. В наши дни, как это было неоднократно показано, никакое утверждение не может рассчитывать на справедливый суд, или даже на то, чтобы быть выслушанным до тех пор, пока его аргументы не будут соответствовать узаконенному и принятому способу исследования, остающемуся строго в рамках или официальной, материалистической науки, или эмоциональной, ортодоксальной теологии.

Наш век, читатель, представляет собой парадоксальную аномалию. Поистине, его можно назвать веком Януса, поскольку он одновременно и чрезвычайно материалистический, и в

высшей степени набожный. Наша литература, наша современная мысль и так называемый прогресс, движутся по этим двум параллельным линиям, столь несовместимым друг с другом, и тем не менее столь популярным и в высшей степени "пристойным" и "респектабельным", каждая по своему. Тот, кто предполагает провести третью линию, или даже маленькую черточку, для примирения этих двух линий, должен быть полностью готов к самому худшему. Его работа будет искажена критиками, которые, прочтя три строчки на первой странице, две -- в середине книги, и заключительное предложение, объявят ее "неудобочитаемой"; над ней будут насмеяться подхалимы науки и церкви, она будет неправильно цитироваться их лакеями, тогда как средний читатель не поймет ее значения. Хорошим доказательством этого являются абсурдные заблуждения культурных слоев общества относительно учений "религии Мудрости" (буддизм), после исключительно ясных и представленных в научном виде ее элементарных доктрин автором "Эзотерического буддизма". Это может служить предостережением даже тем из нас, кто, будучи закаленными в борьбе за наше Дело, длящейся почти целую жизнь, не робеют, работая своим пером, и не пугаются догматических заявлений научных "авторитетов". И все же они упорствуют в своем труде, хотя и прекрасно сознают, что ни материализм, ни доктринальный пиетизм, не дадут возможности для теософской философии быть беспристрастно выслушанной в наше время. До самого последнего времени, нашу доктрину систематически отрицали, нашим теориям отказывали в каком-либо месте, даже среди тех постоянно меняющихся научных однодневок, называемых "рабочими гипотезами". Для защитников "анималистической" теории наши космогенетические и антропогенетические учения являются, воистину, "сказками". "Как можем мы",-- спрашивает один из поборников науки,-- "принять *глупости* древних туземцев (?!), пусть даже им и учили в глубокой древности, если они во всем противоречат заключениям современной науки... Это все равно, как если бы нас просили заменить Дарвина -- Джеком-Потрошителем!" Именно так; ибо тем, кто утратил всякую нравственную ответственность, кажется, очевидно, более удобным принимать теорию о своем происхождении от общего *обезьяноподобного* предка, и видеть брата в немом бесхвостом бабуине, чем признать отцовство питрисов, славных "сынов богов", или признать своим братом голодающего из трущоб, или цветного человека "низшей" расы. "Осадите назад!" -- кричат в свою очередь святоши,-- "вы, *эзотерические буддисты*", никогда не сможете стать добропорядочными, посещающими церковь, христианами!"

Мы никоим образом не обеспокоены этой метаморфозой, особенно потому, что большинство благочестивых британцев уже стали по своей собственной воле и своему выбору "эзотерическими буддистами".

De gustibus non disputandum [о вкусах не спорят].

В дальнейшем мы постараемся исследовать то, насколько прав профессор Джовитт в своем предисловии к "Тимею", когда он говорит, что "фантазии неоплатоников не имеют ничего общего с толкованием Платона", и что "так называемый мистицизм Платона имеет чисто греческое происхождение и проистекает из его недостаточно совершенного знания", чтобы не сказать -- невежества. Ученый руководитель Баллиольского колледжа отрицает, что Платон использовал в своих работах эзотерический символизм. Мы же, теософы, считаем, что это так, и должны попытаться дать наиболее обоснованные доказательства в пользу наших утверждений.

"Люцифер", апрель 1891 г.

*<2> "Строго говоря, верно, что химическое исследование может рассказать нам совсем *немного* или даже *ничего* в отношении структуры живой материи, и... это также совершенная правда, что мы НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ о структуре какого-либо тела, безразлично, какого именно" (профессор Гёксли).

*<3> Придворный поэт материи, м-р Тиндаль, признает в своей работе относительно действия атомов: "Из-за избытка сложности и запутанности... наиболее высокоразвитый интеллект, наиболее совершенное и дисциплинированное воображение *приходят в замешательство при размышлении о проблемах*. Мы становимся немymi от изумления, которое не может успокоить никакой микроскоп, и которое подвергает сомнению не только силу нашего инструмента, но *даже то, обладаем ли мы сами интеллектуальными элементами, которые дадут нам способность всегда бороться с конечными структурными энергиями природы*". И все же они без колебания борются с духовными и психическими проблемами природы -- такими как жизнь, разум и высшее сознание -- и приписывают всех их материи.

*<4> "Анализ вещей, и т. д." д-ра П. Жибье, стр. 213-214.

*<5> См. "Эзотерическое Учение", скомпонованное и изданное уже после смерти Е.П.Б. ее ближайшей сподвижницей и ученицей -- Анни Безант. *Прим. ред.*

*<6> Профессор А. Г. Сейс говорит в своем замечательном предисловии к "Трое" д-ра Шлимана: "Естественной склонностью ученого наших дней является стремление датировать факты скорее более поздним временем, чем более ранним, и относить какие-либо факты к наиболее позднему периоду, насколько это возможно". Это так, и они все время это делают. Такая же тенденция чувствуется и в отношении признания идей древних, так как это предполагает наличие у древних философов какого-либо знания, *неизвестного современным ученым*. Самомнение и тщеславие!

*<7> Если посмотреть "Китайский буддизм" Эдкина, то мы увидим, что этот миссионер, выдающийся ученый-китаевед, проживший в Китае долгие годы, говорит, хотя и с предубеждением, об эзотерических школах.

*<8> См. предисловие к его переводу "Тимея".
